

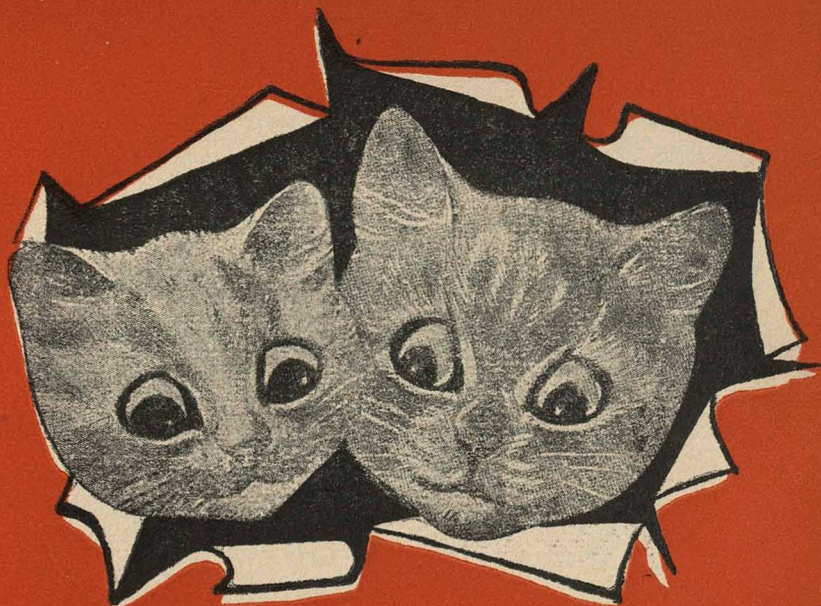
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

ЯНВАРЬ

№ 6.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗА ОБЛАКАМИ.
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.
ПОДАРОКЪ.
НА ЧУЖБИНѢ (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Русская кибитка для склеиванія.
Выкройка передника для дѣвочки.

№ 6. Январь, 1911.

Годъ изданія IV-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Продолжается подписка
на художественно-литературный журналъ для дѣтей

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ ТРИ руб. 80 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.

== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

При каждомъ номерѣ приложенія.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

... Бѣдняжка, она подбираетъ дѣтеныша подъ себя и старается укрыть его своимъ тѣломъ.

ЗА ОБЛАКАМИ.

Въ первыхъ числахъ іюня, тотчасъ-же по окончаніи курса гимназіи, я отправился путешествовать по Западной Европѣ. Мнѣ тогда было всего только 18 лѣтъ. Это было мое первое самостоятельное путешествіе и на мои-же собственные деньги, которыя я зарабатывалъ уроками. Поэтому все меня по пути интересовало, меня привлекалъ къ себѣ каждый камушекъ на дорогѣ и въ то-же время мою душу наполняло горделивое сознаніе, что я уже большой и могу ѣхать, куда захочу. Отецъ и мать вполне полагались на меня, я цѣнилъ ихъ довѣріе и потому строго относился къ малѣйшему своему шагу и къ каждому своему слову.

Приѣхавъ по желѣзной дорогѣ въ Люцернъ, я такъ плѣнился Швейцаріей, что рѣшилъ перейти черезъ Альпійскія горы пѣшкомъ. Для молодого человѣка все кажется легко исполнимымъ, я взялъ въ руки палку, надѣлъ на плечи ранецъ съ моими немногочисленными вещами и пошелъ. Весь день я шелъ по берегу Фирвальдштеттерскаго озера, любовался его красотами, глядѣлъ на горы Риги и Пилатусъ и только къ вечеру вступилъ въ настоящія горы. Онѣ обступили меня со всѣхъ сторонъ, хмурились, кругомъ не было ни души и мои шаги звонко отдавались гдѣ-то вдаль. Было

страшно идти по самому краю бездны, въ которой клубился вечерній туманъ. Я зналъ по картѣ направление дороги, но, чтобы скоротать себѣ путь, свернулъ влѣво и пошелъ по тропинкѣ.

„Все равно я выйду снова на ту-же дорогу“, подумалъ я.

Но чѣмъ дальше я шелъ по тропинкѣ, тѣмъ она поднималась все выше и выше, становилось все свѣжѣе и свѣжѣе и я вступилъ наконецъ въ большой, дремучій лѣсъ. Было ясно, что я сбился съ пути.

Что было дѣлать? Спустился уже вечеръ, горныя громады еще плотнѣе обступили меня со всѣхъ сторонъ и возвращаться обратно было-бы безуміемъ. Теперь, въ темнотѣ, я могъ-бы снова сбиться съ пути или свалиться въ пропасть и разбиться до смерти. Я забрался слишкомъ высоко. Невдалекѣ отъ меня еще розовѣли отъ вечерняго заката снѣга, травы подъ ногами не было и теперь я понималъ, что я забрался въ такія мѣста, гдѣ, послѣ лѣса, должны были уже начаться вѣчные снѣга.

Мнѣ сдѣлалось страшно.

„Переночую я здѣсь“, подумалъ я.—„Здѣсь меня не тронетъ никто. А завтра, чуть свѣтъ, я попробую спуститься внизъ и снова пойду далѣе по шоссе“.

Я снялъ съ себя ранецъ, досталъ

изъ него подушку и пледъ, завернулъся въ него и легъ прямо на землю.

Какъ вдругъ я услышалъ легкое топотаніе чьихъ-то маленькихъ ногъ о землю. Кто-то свистнулъ. Я вскочилъ и похолодѣлъ отъ страха. Около меня было цѣлое стадо какихъ-то животныхъ, похожихъ на козъ. Они остановились около меня, съ любопытствомъ поглядѣли на меня сквозь сумерки, затѣмъ одно изъ нихъ снова свистнуло и все стадо шархнулось отъ меня въ сторону и исчезло въ темнотѣ.

Сердце у меня билось. Я скомкалъ пледъ, сунулъ кое-какъ его и подушку въ ранецъ и побѣжалъ безъ оглядки, куда глядѣли мои глаза. Мнѣ казалось, что стадо гонится слѣдомъ за мной и что вотъ-вотъ меня настигнетъ... Далѣе я не могъ себѣ вообразить, что оно сдѣлало-бы со мною, и все бѣжалъ и бѣжалъ.

— Помогите!—закричалъ я наконецъ.

— Помогите!!—со всѣхъ концовъ отвѣтило мнѣ эхо въ горахъ.

Это испугало меня еще больше и я побѣжалъ еще быстрее, не стараясь глядѣть, куда ступала моя нога.

Какъ вдругъ вдалекѣ передо мною блеснулъ огонекъ.

— Слава Богу!—прошепталъ я и направился туда, откуда онъ мнѣ такъ ласково заблесталъ.

Это оказалась избушка, прикор-

нувшая къ скалѣ. Сзади нея поднимался въ гору дремучій лѣсъ, а передъ ней, куда то далеко внизъ, спускалась ровная, покатая долина.

Добѣжавъ до нея, я постучался въ окно.

— Кто здѣсь?—послышался голосъ на нѣмецкомъ языкѣ.

— Это я, странникъ...—отвѣтила я, едва дыша отъ усталости и страха.—Я сбился съ пути и прошу васъ пустить меня ночевать!

Вышелъ человекъ въ шляпѣ съ перомъ и съ трубкой въ губахъ. Онъ оглядѣлъ меня при свѣтѣ лампы, выходившемъ изъ окна, и затѣмъ протянулъ мнѣ руку.

— Входите, — сказалъ онъ. — Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Я вошелъ въ избушку и тотчасъ же убѣдился, что попалъ въ гости къ лѣснику. По стѣнамъ было развѣшано оружіе, висѣли чучела птицъ и олени головы съ вѣтвистыми рогами. У очага стояла женщина въ короткой юбкѣ и чистила картофель. При моемъ появленіи она вытерла о фартукъ руку и протянула ее мнѣ.

— Здравствуйте,—сказала она и сдѣлала мнѣ реверансъ.

Это была жена лѣсника.

Полчаса спустя, я уже сидѣлъ съ ними за столомъ и съ наслажденіемъ ѣлъ ихъ ужинъ: вареный картофель съ кознимъ масломъ, какой-то странный сыръ и очень вкусный темный хлѣбъ, запивалъ домашнимъ пивомъ, похожимъ на

густой квасъ, и рассказывалъ имъ о томъ, какъ заблудился и какъ меня испугало стадо какихъ-то животныхъ.

— Это серны, — сказали лѣсникъ. — Онѣ шли съ пастбища къ себѣ на ночлегъ и наткнулись на васъ. Онѣ отлично чуютъ, но видятъ въ сумерки плохо. Если стоять или лежать спокойно и не шевелиться, то онѣ могутъ подойти совсѣмъ вплотную, близко, и до вѣрчиво обнюхивать человѣка со всѣхъ сторонъ. Но стоитъ только ему пошевелиться, какъ онѣ уже за версту слышатъ его шорохъ и начинаютъ нюхать воздухъ, стараясь почувствовать въ немъ запахъ врага.

— Развѣ у сернъ такое замѣчательное обоняніе? — спросилъ я.

— О, да! — отвѣтили нѣмецъ-лѣсникъ. — Серна по чутью можетъ сравниться только съ одной собакой. Она отлично узнаетъ по слѣду, гдѣ шло ея стадо и гдѣ раньше шла она сама. Только чутьемъ и можно объяснить себѣ, какъ она находитъ дорогу къ своему обычному пастбищу послѣ тѣхъ изумительныхъ путешествій, которыя она совершаетъ по горамъ. Всю ночь серна спитъ и всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Едва только наступитъ разсвѣтъ, какъ она уже отправляется въ путь и непремѣнно сверху внизъ. Она щиплетъ по дорогѣ травку, кушаетъ цвѣты съ дикаго шиповника, попадаю-

щагося ей на пути, и не брезгаетъ иглами ели и сосны. Зимой, когда все покрывается снѣгомъ, она утоляетъ свой голодъ мхами и лишайями. Вообще она очень нетребовательна къ пицѣ. И такъ, до полудня она все спускается и ѣсть, а въ полдень ложится на плоскій камень, грѣется на солнышкѣ и жуетъ свою жвачку. Послѣ полудня она начинаетъ снова подниматься въ горы и къ вечеру достигаетъ мѣста своего ночлега. Несомнѣнно, что, натолкнувшись на васъ, мейнъ либеръ Юнге, онѣ возвращались къ себѣ домой.

— А ты не забудь сказать молодому господину, — вставила лѣсничиха, — что серна никогда не пьетъ воды.

— Да, да!.. — подтвердилъ и лѣсникъ. — Вѣроятно, она облизываетъ съ листьевъ росу и тѣмъ утоляетъ свою жажду. А, впрочемъ, никто этого не видалъ и утверждать это мудрено.

Онъ налилъ мнѣ кружку домашнего пива, мы чокнулись и онъ продолжалъ:

— То стадо, которое вы видѣли, состоитъ изъ однихъ только самокъ. Самцы живутъ отдѣльно и бродятъ въ одиночку и ихъ почти никогда и нигдѣ невозможно встрѣтить. Всѣмъ стадомъ предводительствуетъ старая самка. Чтобы предупредить его объ опасности, она обыкновенно топаетъ ногой и свиститъ. Это единственное животное

изъ жвачныхъ, которое умѣетъ свистѣть.

— Какія вы странности говорите!—воскликнулъ я. — Значить, тотъ свистъ, который я слышалъ, издавала серна?

Лѣсникъ осушилъ однимъ залпомъ свою кружку и закурилъ трубку.

— Странности... — повторилъ онъ.—Да развѣ серна не странное животное? Посмотрите, какъ она ловко лазаешь по горамъ! Это не животное, а какой-то безплотный духъ! Она взбирается на такія неприступныя мѣста, куда можетъ взлетѣть развѣ только одинъ орелъ. Она несется вскачь по самымъ отчаяннымъ стремнинамъ, она перепрыгиваетъ пропасти въ восемь аршинъ ширины, она можетъ вскочить наверхъ сразу на десять аршинъ въ одинъ прыжокъ, съ прострѣленной ногой она способна цѣпляться по отвѣснымъ скаламъ, какъ кошка. А посмотрите вы, какъ серны между собою дружны! Я самъ однажды видѣлъ, какъ цѣлое стадо сернъ взбиралось почти на отвѣсную скалу по такому карнизу, на которомъ не могъ-бы уцѣпиться даже орелъ. Впереди шла одна и оцупью, передними ножками, напаривала путь. Всѣ остальные ожидали стоя рядкомъ, какъ солдатики. Добравшись доверху, она возвратилась назадъ и каждую серну перевела затѣмъ сама, указывая ей путь и иногда талца ка-

кую-нибудь особенно боязливую за ушко. А тѣ, которыхъ она вывела наверхъ, не разбѣгались, а такъ-же рядкомъ, какъ солдатики, стояли и ожидали, когда наконецъ будетъ переведена благополучно послѣдняя. О, это очень умныя животныя! Но пора уже спать! Жена, приготовь господину спать!

Лѣсничиха постлала мнѣ на полу постель и вмѣсто одѣяла дала мнѣ цѣлый пуховикъ. Самъ лѣсникъ отправился спать въ сарайчикъ, на сѣно, а его жена легла въ сѣняхъ. Я былъ на ногахъ цѣлый день, усталъ, свѣжій, горный воздухъ и домашнее пиво располагали ко сну и я затушилъ огонь, бросился въ постель и заснулъ богатырскимъ сномъ.

— Завтра я вамъ кое-что покажу... сказалъ мнѣ лѣсникъ, уходя къ себѣ въ сарайчикъ.

Но вотъ и завтра. Свѣтитъ солнце. Какъ алмазы блистаютъ снѣгами горы слышно блеянье козъ или овецъ.

— Пора вставать! стучитъ мнѣ въ окно мой гостепріемный нѣмецъ-хозяинъ.

Я вскакиваю съ постели и гляжу на часы. Мнѣ неловко: уже восемь часовъ.

Нѣмка поить меня молокомъ, кормить меня удивительно-вкусной яичницей, нѣмецъ заставляетъ меня выпить кружку пива и я снова отправляюсь въ путь.

— До свиданія! говорю я.—Увидимся-ли когда-нибудь еще разъ?

— До свиданія... отвѣчаетъ хозяйка и снова вытираетъ руку о фартукъ и протягиваетъ ее мнѣ.

Лѣсникъ оглядываетъ меня со всѣхъ сторонъ, убѣждается, что все въ порядкѣ и выводитъ меня на дворъ.

— Погодите, я васъ доведу до шоссе... говорить онъ. — А то вы, пожалуй заблудитесь еще разъ!

Но въ это время изъ сарайчика, гремя бубенчикомъ, вышла коза и за нею бѣжалъ маленькій очаровательный звѣрекъ съ густой волнистой шерстью свѣтло-рыжаго цвѣта.

Завидѣвъ собаку, онъ бросился къ ней и сталъ съ нею играть.

— Что это? спросилъ я въ удивленіи.

— Это маленькая серна, отвѣтилъ хозяинъ.—Ее-то я и хотѣлъ вамъ показать. Ея мать свалилъ въ пропасть орелъ и полетѣлъ туда вмѣстѣ съ нею, чтобы ее сожрать, а этотъ дѣтенышъ остался одинъ. Я подобралъ его и принесъ на воспитаніе своей козѣ. Коза обрадовалась и принялась его кормить. Ему, вѣроятно, не было еще и пяти дней, когда онъ осиротѣлъ. Вѣдь дѣтеныши-серны бѣгаютъ за матерью съ первой-же минуты своего рожденія. Она учитъ ихъ лазать и прыгать, зоветъ ихъ голосомъ, сама продѣлываетъ передъ ними свои изумительныя штуки, заставляя ихъ повторять и производить имъ экзаменъ. Вообще

трудно найти такую привязанность между матерью и дѣтми даже у людей, какая бываетъ среди сернъ. При нападеніяхъ орла мать всегда погибаетъ сама, чтобы только спасти свое дитя и прежде всего орелъ нападаетъ на мать. Бѣдняжка, она подбираетъ дѣтеныша подъ себя и старается укрыть его своимъ тѣломъ!

Я подманилъ красавчика къ себѣ и приласкалъ его. Было что-то трогательное въ его довѣрїи и желанїи играть.

— Будетъ-ли только онъ у васъ жить? съ сомнѣніемъ задалъ я вопросъ.

— О, конечно! увѣренно отвѣтилъ лѣсникъ.—Серны очень хорошо привыкаютъ къ человѣку, но только не размножаются въ неволѣ никогда. Нужно только ихъ кормить козьимъ молокомъ, рѣпкой, капустой и картошкой. А зимой—съ нихъ достаточно бываетъ и простой соломы. Въ хлѣву они не живутъ никогда, а остаются всегда на волѣ. Обыкновенно постелью имъ служить какой-нибудь гладкій камень, лежащій среди двора.

Въ это время, маленькій сирота вскочилъ на заборъ и побѣжалъ по его ребру такъ, точно тамъ была широкая дорога.

— Вотъ видите, какъ онъ сучааетъ! указалъ на него хозяинъ.

Но нужно было уже уходить. Кругомъ стояли очаровательныя

горы, небо было голубое и прозрачное, какъ вода, и ярко свѣтило солнце. Хозяинъ довелъ меня до того мѣста, откуда видно было шоссе и указалъ мнѣ, какъ ближе всего къ нему пройти. Мы простились. Пройдя съ полъ версты, я остановился и обернулся назадъ.

Онъ все еще стоялъ на выступѣ скалы и глядѣлъ мнѣ вслѣдъ.

— Прощайте! крикнулъ я ему и замахалъ ему шляпой.

Онъ тоже замахалъ мнѣ шляпой въ отвѣтъ и медленно побрелъ къ себѣ домой. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ его больше никогда.

С. Вершининъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА.

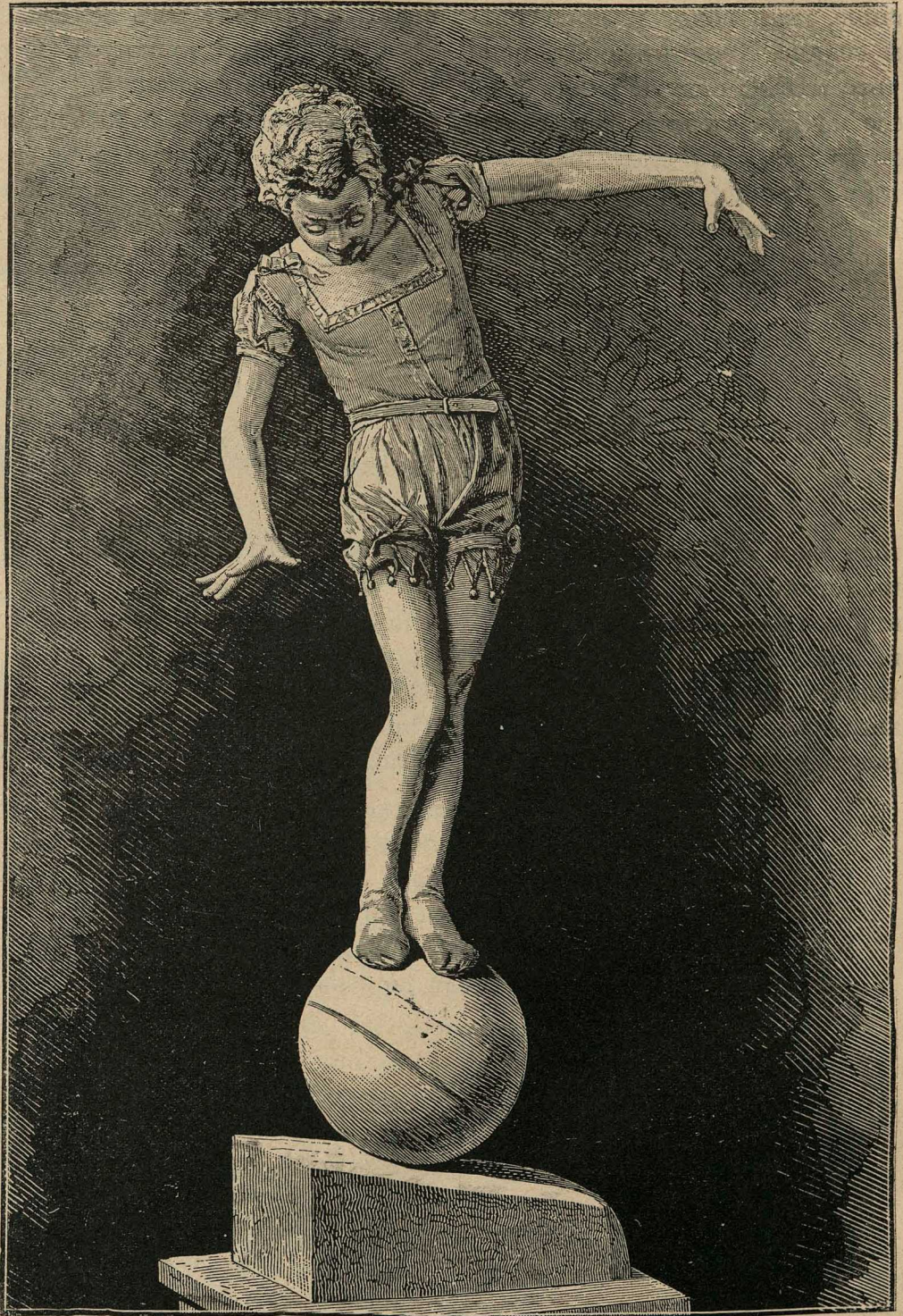
Вѣтеръ качнулъ занавѣски,
Ночь заглянула въ окошко
Спать все въ лазоревомъ блескѣ...
Спи, моя рѣзвая крошка!
Дремлютъ плакучія ивы,
Травка заснетъ полевая,
Спать и кузнечекъ пугливый—

Спи, моя птичка лѣсная!
Свѣчку тебѣ потушу,
Глазки закрой голубые,
Я поутру расчешу
Кудри твои золотыя.
Смотрятъ лукаво въ окно
Мѣсяцъ и звѣзды украдкой,

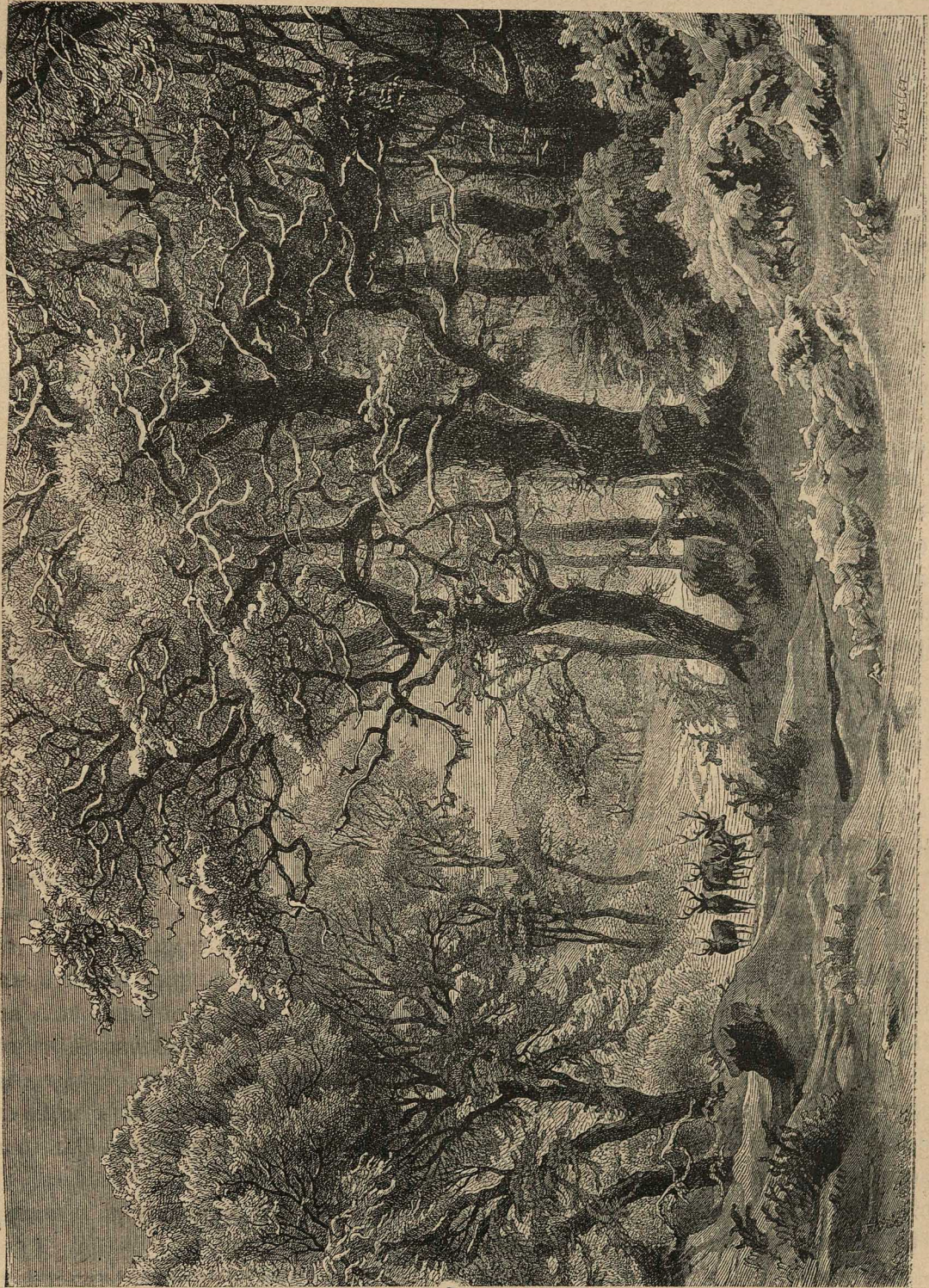
Спать и игрушки давно—
Кукла, паяцъ и лопатка.
Дай, я укрою тебя..
Какъ разгорѣлися щечки!
Спи же, былинка моя,
Спи, ненаглядная дочка!..

Е. Селунская

Мальчикъ-акробатъ.

Въ дремучемъ лѣсу.

ПОДАРОКЪ.

Хотѣли зажечь елку въ сочельникъ, но у доктора такъ много было больныхъ, что онъ вернулся домой только въ одиннадцатомъ часу ночи. Докторша ждала его вмѣстѣ съ приглашенными дѣтьми къ восьми часамъ, да такъ и не дождалась. Пришлось дѣтей увозить домой, а празднованіе елки перенести на новый годъ. Дѣти танцевали, ѣли сласти и въ общемъ остались довольны. Бездѣтная докторша, каждый годъ устраивавшая елку для чужихъ дѣтей, была грустна и рѣшила на Новый годъ собрать гостей еще больше.

— „Не далъ намъ Богъ своихъ дѣтей“, думала она, — „такъ пусть повеселятся чужія“.

Но вотъ насталь и Новый годъ. Лютый съ утра морозъ къ обѣду ослабѣлъ и снѣгъ пушистыми хлопьями сталъ падать на землю. Улицы, крыши, тротуары, трамвай—все было покрыто снѣгомъ и люди, лошади и экипажи казались вымазанными въ бѣлую краску. Ноги глубоко вязли въ снѣгу. За то у докторши весело горѣли печи и казалось, что самая квартира ея была создана нарочно для того, чтобы укрыться въ ней отъ непогоды и отдохнуть. Но докторъ и въ ней не находилъ себѣ покоя. Съ утра и до вечера

въ передней раздавался звонокъ и къ нему приходили больные или же ему необходимо было садиться въ сани и ѣхать на окраины города, гдѣ цѣлыми сотнями болѣли дѣти въ кори и въ скарлатинѣ. Самъ бездѣтный и не нуждавшійся въ большихъ деньгахъ, докторъ ничего не бралъ съ бѣдныхъ и дѣтей и тѣмъ чаще его звали къ больнымъ.

Весь день Нового года, съ утра, его жена была въ веселомъ праздничномъ настроеніи. Она закончила приготовленіе для мужа и племянниковъ подарковъ и разложила ихъ вокругъ елки. Ей хотѣлось передать свое настроеніе и вѣчно-серьезному мужу, но онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, разговаривалъ съ больными и ей одной было скучно безъ людей и не съ кѣмъ было подѣлиться мыслями.

„Если-бы у насъ былъ сынъ или дочь думала докторша, — „то теперь имъ было бы уже восемь или девять лѣтъ. Мы для нихъ устраивали-бы елку и созывали-бы гостей. И мой мужъ не стремился-бы такъ къ дѣлу и быть можетъ лишній часъ просиживалъ-бы дома съ дѣтьми“...

Она глубоко вздохнула и подошла къ кабинету.

— Ты одинъ? спросила она мужа.

— Одинъ, отвѣтилъ докторъ,— но собираюсь уѣхать.

— Надолго?

— Часовъ до семи. Возвращусь къ самой елкѣ. Прикажи заложить мнѣ сани.

— А если опоздаешь?

— Нѣтъ, не опоздаю. Мнѣ нужно сдѣлать четыре визита, затѣмъ заѣхать въ магазинъ и купить для тебя подарокъ, а потомъ уже я и повеселюсь вмѣстѣ съ дѣтьми.

Онъ вышелъ къ женѣ уже одѣтый и лукаво ей подмигнулъ.

— Сегодня ты получишь замѣчательный подарокъ, сказалъ онъ.

Каждый годъ на елку докторъ дарилъ женѣ какую-нибудь драгоценную вещь, она уже привыкла къ этому и потому нисколько не удивилась на его слова.

— Много пригласила дѣтей? продолжалъ докторъ.

— Человѣкъ двадцать...

Докторъ улыбнулся и сказалъ:--

— Это хорошо.

Затѣмъ онъ уѣхалъ.

Онъ дѣйствительно возвратился домой къ семи часамъ, но его дѣла сложились такъ, что заѣхать въ магазинъ за подаркомъ для жены онъ такъ и не успѣлъ. Подходящихъ магазиновъ по дорогѣ не попадалось, а ѣхать въ центральныя части города было поздно и не по пути.

„Какая досада“, думалъ онъ.— „Придется ей остаться вовсе безъ подарка“...

Дома онъ засталъ нѣсколькихъ больныхъ, но гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно, и уже къ восьми часамъ закончилъ пріемъ. Кому было еще не совсѣмъ плохо, тотъ постарался побороть въ себѣ свой недугъ, чтобы не хворать цѣлый годъ.

„Это хорошо“... думалъ докторъ, потирая руки и передавая горничной Настѣ использованные инструменты, чтобы она ихъ помыла въ кипяченой водѣ.

И праздничное чувство, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще во времена своего далекаго дѣтства, наполнило его душу. Сейчасъ начнутъ съѣзжаться дѣти и будутъ зажигать елку.

Какъ вдругъ въ передней раздались голоса. Говорили горничная Настя и еще кто-то, еле слышнымъ голосомъ. Настя отказывала:

— Да намъ вовсе не требуются ваши коробочки! говорила она.-- Наша елка уже готова! Она уже увѣшана вся!

Но просителя это, повидимому, не удовлетворяло. Докторъ слышалъ черезъ затворенную дверь своей пріемной, какъ пришелецъ умолялъ:

— Пожалуйста!.. Пожалуйста!.. Доложите доктору!

— Я же говорю тебѣ, что у доктора пріемъ уже законченъ! отвѣчала Настя.— Докторъ больше не принимаетъ никого!

Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ сдержанный, умоляющій шопотъ:

— Мнѣ очень худо... Я сейчас упаду...

Услышавъ это, докторъ отворилъ дверь въ прихожую.

— Настя, я еще принимаю!.. ска- залъ онъ.—Введи его сюда!

— Какой-то грязный мальчикъ робко вошелъ въ кабинетъ. Ему было на видъ лѣтъ около восьми, на рукѣ у него висѣла корзина съ дешевенькими самодѣльными украшеніями для елки. Онъ былъ одѣтъ въ рванное лѣтнее пальто и по его умоляющему взгляду, которымъ онъ поглядѣлъ вокругъ себя, докторъ тотчасъ-же догадался, что это былъ тяжело больной.

— Мнѣ худо, докторъ... прого- ворилъ мальчикъ угрюмо.—Я боль- ной...

Докторъ взялъ его за руку и притянулъ его къ себѣ.

— Настя! крикнулъ онъ.—По- помогите мнѣ осмотрѣть этого маль- чугана! Снимите съ него это мо- крое пальто!.. Долой рваные са- поги!.. Положите его на эту койку и поставьте ему градусникъ... Вотъ такъ!

Настя исполнила приказанія док- тора. Черезъ три минуты она вы- нула градусникъ изъ подмышки мальчика и поднесла его къ лампѣ.

— Сколько? спросилъ докторъ.

— Тридцать девять и пять... от- вѣтила Настя, уже давно привык- шая обращаться съ больными.

— Ай-ай-ай, какой жаръ! вос- кликнулъ докторъ.—Бѣдный маль- чуганъ! Ну, теперь садись вотъ такъ, чтобы я могъ тебя выслу- шать!

Мальчикъ приподнялся и сѣлъ съ закрытыми глазами. Отъ него такъ и отдавало жаромъ. Настя привычной рукой быстро стянула съ него грязную, рваную рубашку, скомкала ее въ узелокъ и бросила на полъ. Затѣмъ она достала изъ шкафа чистую рубашку изъ заго- товленного для бѣдняковъ запаса и натянула ее на больного. Пови- димому, онъ не признавалъ уже ни- чего, такъ какъ продолжалъ си- дѣть съ закрытыми глазами и по- слушно позволялъ дѣлать съ со- бою, что хотѣлось другимъ.

Докторъ выслушалъ его и мно- гозначительно поглядѣлъ на Настю.

— Воспаленіе легкихъ... сказалъ онъ.

Мальчикъ откинулся назадъ, по- валился на подушку и забредилъ.

— Что-же теперь дѣлать, баринъ? спросила Настя.

Докторъ глубоко вздохнулъ.

— Оставить-бы его у насъ, ска- залъ онъ,—да неудобно... Сегодня у насъ елка и приглашено болѣе двадцати человекъ дѣтей, будетъ шумно... Сдѣлайте-ка вотъ что. За- кутайте вы его получше въ одѣяла и свезите его на нашей лошади въ Алексѣевскую больницу. Я дамъ письмо. Мой товарищъ-докторъ устроитъ его тамъ на отдѣльной

койкъ, а я заплачу послѣ за все. Поспѣшите-же, Настя...

Дѣвушка кивнула головой.

— Пойдемъ, дѣтка! обратилась она къ больному, осторожно поднимая его голову съ подушки.— Пойдемъ, мой милый!..

Мальчикъ широко раскрылъ глаза и съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя.

— А гдѣ-же Катя? спросилъ онъ.—Она ждетъ меня на углу!..

— Бредить!.. проговорила Настя.

Докторъ нагнулся надъ мальчикомъ и ласково провелъ рукою по его волосамъ.

— Кто это Катя? спросилъ онъ у него.

Казалось, мальчикъ вспоминалъ то, что уже забылъ, и страхомъ исказилось его лицо.

— Моя сестра... сказалъ онъ.— Она ждетъ меня на углу... Мы вмѣстѣ пришли сюда...

И онъ снова повалился головою на подушку.

А въ это время въ передней уже раздавались звонокъ за звономъ: собирались родственники и приглашенныя дѣти. Они стряхивали съ себя снѣгъ, стучали ногами, слышались веселыя восклицанія и среди всеобщихъ разговоровъ докторъ ясно различилъ голосъ своей жены:

— Мужъ долженъ скоро вернуться... говорила она.—Онъ что-то задержался сегодня... Какъ только онъ пріѣдетъ, такъ и зажжемъ тотчасъ-же елку!

А онъ давно уже былъ дома и возился съ маленькимъ больнымъ.

— Катя!.. Катя!.. бредилъ мальчикъ.—Иди сюда скорѣй!.. А то ты замерзнешь!

Докторъ поглядѣлъ на Настю. Она поняла его съ перваго-же взгляда и, накинувъ на себя шаль, побѣжала за Катей.

Раздалась въ гостиной музыка, послышались радостныя возгласы и дѣти стали танцевать. Докторша имъ играла и, въ ожиданіи возвращенія доктора, чтобы скоротать время, гости запрыгали кто во что гораздъ.

— Скачите, прыгайте! говорила имъ докторша.—Сегодня вашъ праздникъ и елка для васъ!

Въ это время, незамѣченная никѣмъ, въ кабинетъ вошла Настя, держа за руку маленькую дѣвочку лѣтъ семи, одѣтую въ лохмотья. Все лицо ея было мокро и нельзя было разобрать, плакала-ли она, поджидая своего брата на вѣтру, или это таялъ у нея на лицѣ снѣгъ.

— Вотъ она!.. сказала Настя, своимъ обычнымъ привѣтливымъ голосомъ.—Я нашла ее!

Дѣвочка доврчиво поглядѣла на доктора и обвела глазами всю комнату. Тепло и свѣтъ пріятно подѣйствовали на нее и она улыбнулась.

— Это Вася? спросила она, указавъ на больного.

— Да, серьезно отвѣтилъ докторъ.

А затѣмъ онъ взялъ ее за руку и подвелъ поближе къ столу.

— Слушай внимательно, Катя, продолжалъ онъ,—что я буду сейчасъ говорить. Твой братишка очень болѣнъ и его отвезутъ сейчасъ въ больницу. Тебѣ придется одной дойти до своего дома и сказать объ этомъ мамѣ. Ты не заблудишься? Ты знаешь, гдѣ ты живешь?

— У насъ нѣтъ ни папы, ни мамы, весело заговорила Катя.— У насъ есть только одна чужая тетя, которая клеить коробочки и посылаетъ насъ по городу ихъ продавать. Сегодня мы не продали ни одной и она будетъ насъ обихъ бить. Меня по щекамъ и по головѣ, а его за уши и за волосы.

Докторъ прошелся по кабинету взадъ и впередъ и серьезно о чемъ-то подумалъ.

— Ну, хорошо... обратился онъ къ Катѣ.—Ты останешься пока здѣсь у меня.

— У васъ? здѣсь? радостно воскликнула Катя и захлопала въ ладоши.—Вотъ хорошо!

— Да, да, оставайся!.. рѣшительно заявилъ докторъ.

Вася приподнялся съ подушки, сдѣлалъ усиліе улыбнуться и обнялъ обѣими руками за шею Настю. Она ласково укутала его въ одѣяла, взяла на руки и понесла къ двери. Докторъ набросалъ нѣсколько строкъ и протянулъ ей письмо въ больницу.

— Прощай, Катя!.. — сказалъ чуть слышно Вася. — Не шали здѣсь..

И, какъ раненная птичка, онъ опустилъ голову Настѣ на плечо и впалъ снова въ забытѣе.

Черезъ минуту раздался скрипъ полозьевъ по снѣгу. Это Настя повезла Васю въ больницу.

Оставшись съ дѣвочкой наединѣ, докторъ почувствовалъ вдругъ сразу какую-то теплоту на сердцѣ. Въ его душѣ произошелъ какой-то странный переворотъ и въ одну секунду созрѣло въ немъ рѣшеніе, которое удивило даже его самого. Катя стояла у письменнаго стола и большими полными удивленія глазами, разглядывала разставленные на немъ вещицы, а онъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и теребилъ свою бороду. Теперь эта дѣвочка должна остаться у него на нѣсколько дней, пока не выздоровѣетъ ее братъ. Почему только на нѣсколько дней, а не навсегда? Вѣдь оба они, и докторъ и его жена, бездѣтны и скучаютъ одни. Почему-бы имъ не оставить Катю у себя вмѣсто дочери, а того мальчика когда онъ выздоровѣетъ и выйдетъ изъ больницы,—вмѣсто сына? Не посылаетъ-ли имъ этихъ дѣтей сама судьба? Оба они уже пожилые и кто можетъ сказать, какова будетъ ихъ старость? Если они не могутъ обойтись безъ дѣтей теперь и устраиваютъ елку даже для чужихъ, то кто обережетъ ихъ

отъ одиночества, когда они одряхлѣютъ и будутъ стариками?

Изъ гостиной попережнему раздавались голоса, смѣхъ и танцы, а докторъ все ходилъ и ходилъ по кабинету взадъ и впередъ, думалъ и теребилъ свою бороду. Затѣмъ онъ рѣшился и махнулъ рукой. Его ждутъ гости, сейчасъ по всей вѣроятности зажгутъ елку, а онъ все еще не выходилъ къ нимъ и въ первый разъ, пока женатъ, не купилъ своей женѣ обѣщаннаго подарка. Теперь ужъ поздно. Но поздно и оставаться у себя въ кабинетѣ и пора ужъ выходить.

— Мужъ еще не вернулся? — услышалъ онъ, какъ спрашивала у прислуги докторша. — Когда-же онъ пріѣдетъ?

Онъ пріотворилъ дверь и весело крикнулъ:

— Да я уже здѣсь! Я уже давно пріѣхалъ! Зажигайте пока елку, а я займусь подаркомъ!

Онъ возвратился къ себѣ въ кабинетъ, налилъ въ умывальникъ воды и старательно вымылъ Катю, пока она, бѣленькая и розовенькая, съ черными кудрями и съ плутоватыми глазами не стала походить на другихъ дѣтей. Затѣмъ онъ стащилъ съ нея грязное платице и такъ какъ ничего другого у него подъ руками и не было, то онъ поправилъ на ней ея волосы и такъ, голенькую и хорошенькую, и взялъ ее на руки.

— Ну, теперь пойдѣмъ! — сказалъ

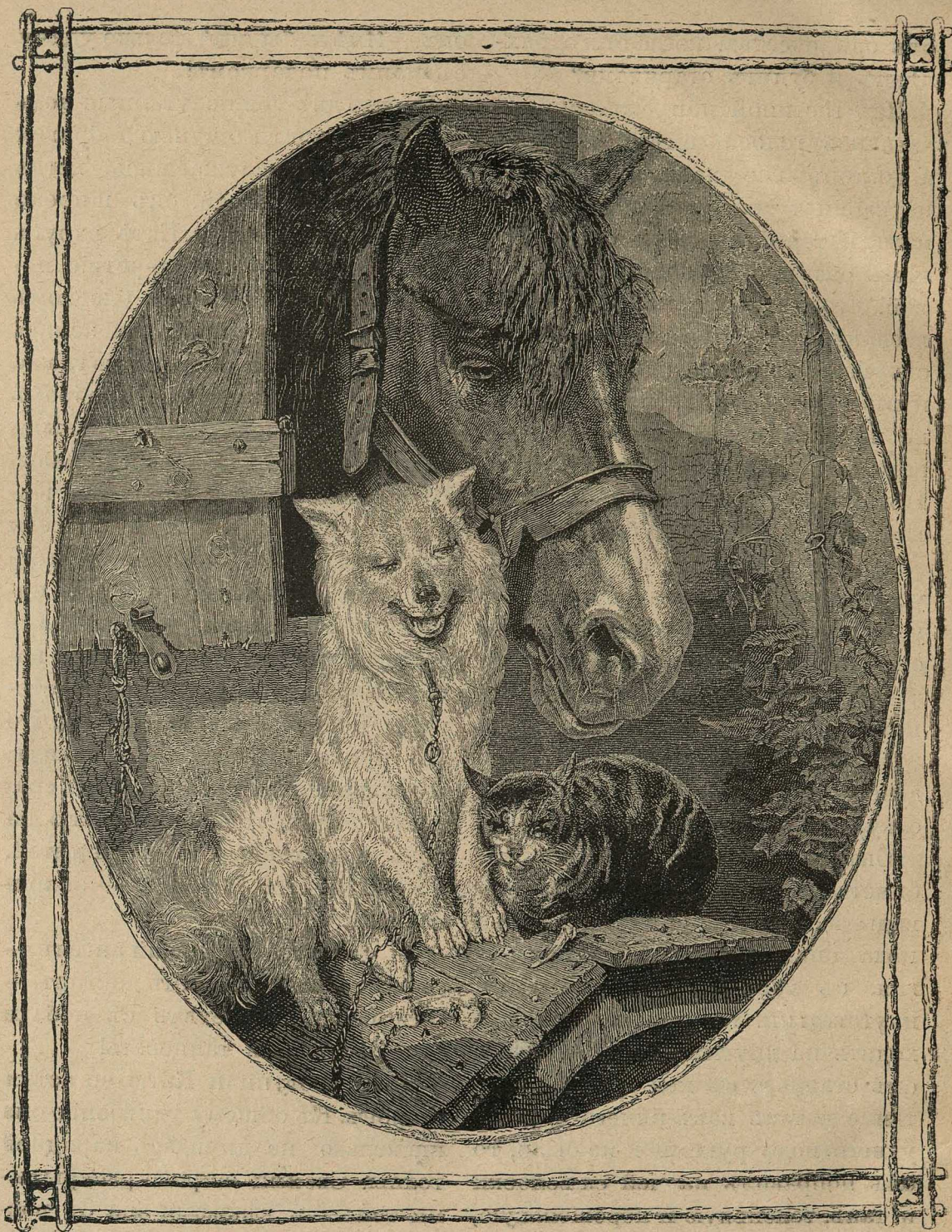
онъ. — Имѣть-бы мнѣ только удачу съ моимъ подаркомъ!

Черезъ двѣ-три полутемныя комнаты онъ почти ощупью добрался до залы. Прислушавшись, когда всѣ занялись елкой, онъ широко распахнулъ дверь и Катѣ вдругъ показалось, что это царствіе небесное, со всѣмъ своимъ блескомъ и свѣтомъ спустилось на землю. Волны свѣта прыснули ей въ глаза. Увѣшанная золотомъ и серебромъ елка съ сотней разноцвѣтныхъ лампочекъ ярко сіяла среди залы. Кругомъ ея суетились и, какъ пчелки, жужжали нарядныя дѣти. Среди нихъ тоже суетилась сама докторша, стараясь каждаго одѣлать подаркомъ и сластями. Докторъ былъ единственнымъ человѣкомъ, вошедшимъ въ залу съ другой стороны, и потому неудивительно, что его прихода никто не замѣтилъ. Неожиданно подкравшись, онъ сразу, спустилъ голенькую Катю на полъ и поставилъ ее среди дѣтей.

— Кто это? Кто это? — закричали дѣти.

— Это рождественскій ангелъ, — серьезно отвѣтилъ имъ докторъ. — Онъ сейчасъ слетѣлъ съ неба и будетъ съ вами танцевать!

Дѣти обступили Катю со всѣхъ сторонъ. Къ общему удивленію она нисколько не дичилась нарядной толпы. Своими широко раскрытыми темными глазками она съ восторгомъ глядѣла на елку и совершенно позабыла, что была вовсе

Друзья.

Изверженіе вулкана на Сандвичевыхъ островахъ .

не одѣта. Около нея уже стояла на колѣняхъ сама докторша и нѣжно прижимала ее къ своей груди.

— Моя! Моя!—говорила она. — Я не отдамъ тебя никому!

И со страхомъ, что дѣвочку могутъ у нея отнять, она подняла глаза на мужа. Онъ положилъ ей руку на плечо и склонился надъ ней.

— Это мой рождественскій подарокъ... — сказалъ онъ. — Теперь мы съ тобою не одни.

Отъ радости докторша не знала, съ чего теперь начинать. Все запрыгало у нея въ глазахъ. Она знала, что Катѣ было холодно, что ее нужно было одѣть, но у нея не было ничего. Тогда она вскочила съ полу, схватила Катю на руки и помчалась съ нею въ спальню. Тамъ она надѣла на нее свою ночную кофточку, опоясала ее широкой голубой лентой, перевезала ей ленточкой волоса, надѣла на нее свои чулки и въ такомъ видѣ выпустила ее въ залу. Всѣ бросились къ дѣвочкѣ, занялись ею и она стала переходить съ рукъ на руки.

— Какая славненькая!—говорили дѣти.—Дядя, откуда-ты ее досталъ?

Но дядя-докторъ засбирался и заспѣшилъ.

— Куда ты?—спросила его докторша.

— Въ больницу!—отвѣтилъ онъ ей.

— Зачѣмъ? Развѣ тамъ у тебя есть больные?

— Да, есть, и знаешь, кто?

Докторша отрицательно замотала головой.

— Нашъ сынъ!—быстро отвѣтилъ ей докторъ.—У него сейчасъ воспаленіе легкихъ, но это ничего, это скоро пройдетъ!

И, оставивъ жену и дѣтей однихъ, онъ надѣлъ шубу и шапку и уѣхалъ въ больницу.

По дорогѣ ему попалась Настя, которая возвращалась домой.

— Передайте тамъ, что я возвращусь черезъ часъ, — сказалъ онъ ей. И, завидѣвъ еще не запертый магазинъ дѣтскихъ нарядовъ, онъ велѣлъ извозчику подѣхать къ нему, накупилъ тамъ цѣлое приданое для Кати и послалъ его домой съ Настей.

А самъ онъ отправился къ Васѣ, который лежалъ въ забытѣи и бредилъ.

Черезъ три недѣли Вася уже выздоравливалъ и находился въ квартирѣ у доктора. Онъ лежалъ въ спальней и докторша ухаживала за нимъ, какъ за своимъ роднымъ сыномъ. Скоро онъ выздоровѣлъ совсѣмъ.

И оба они—и Катя и ея братъ,—остались у доктора навсегда. Пожилые супруги нашли въ Катѣ ласковую, веселую дочурку, мягкое сердечко которой всегда было отзывчиво къ добру. А изъ Васи выросалъ высокій, стройный гимназистъ, относившійся къ своимъ пріемнымъ родителямъ, какъ къ

роднымъ. И пустынные комнаты докторъ и докторша уже не чувствовали себя такими одинокими, веселыми голосами молодежи и какими были до сихъ поръ.

Ф. Ш.

НА ЧУЖБИНѢ.

(Продолженіе).

Соня выдержала экзамены отлично. Когда ее экзаменовали, то начальница удивилась, что нигдѣ раньше не учившись, она смогла такъ успѣшно подготовиться дома. Конечно, Соня торжествовала. Ея самостоятельный видъ и дѣловой тонъ сразу-же обратили на себя вниманіе и преподавателей, и ученицъ и, какъ это часто бываетъ въ учебныхъ заведеніяхъ, съ ней стали заговаривать старшія, цѣловать ее, спрашивать о томъ, кто она и откуда, такъ что къ концу экзаменовъ она была въ гимназій, уже какъ своя.

— Какая она интересная! говорили между собой ученицы старшихъ классовъ. — Какъ она себя самостоятельно держитъ!

Подходила къ ней и какая-то ученица младшаго класса, ея ровесница, которую подруги называли Валею. Но у нея почему-то были очень печальные глаза и она шурилась на свѣтъ и то и дѣло прикладывала руку ко лбу.

— Что съ тобой, Валя? спрашивала ее классная дама. — Ты больна?

Но Валя печально улыбалась и старалась казаться насильно веселой.

Приведя Соню въ гимназію, дядя Григорій Петровичъ поручилъ ее дежурной классной дамѣ, а самъ отправился по своимъ дѣламъ. За цѣлый годъ ихъ у него накопилась масса, онъ выбрался наконецъ въ губернский городъ и воспользовался этимъ, чтобы всѣ ихъ исполнить. Нужно было побывать въ банкѣ, въ земствѣ, у старшаго нотаріуса и въ казенной палатѣ и на все это требовалось довольно много времени и всюду приходилось ждать. И когда экзамены окончились и Соня вмѣстѣ съ другими дѣвочками вышла изъ гимназій, то дядя ея еще ни приходилъ и она оказалась въ положеніи человѣка, попавшаго по щучьему велѣнію за границу.

„Куда-же я теперь пойду?“ съ тревогой подумала она. — „Кажется, мы пришли сюда со стороны вотъ того бульвара! Найду-ли я нашу гостинницу одна?“

Пока она такъ размышляла, стоя

на тротуарѣ, изъ двери гимназіи вышла дама съ дѣвочкой. Проходя мимо Сони, дѣвочка улыбнулась ей и поцѣловала ее горячими губами въ щеку. Это была Валя со своей мамой Надеждой Сергѣевной.

— Ты куда? спросила она Соно.—Ты гдѣ живешь?

— Мы остановились въ Кукуевской гостинницѣ, отвѣтила Соня,— но дядя гдѣ-то задержался и не зашелъ за мной... Кажется, мнѣ надо идти туда?...

И Соня указала въ сторону бульвара.

— Да, да! отвѣтила Надежда Сергѣевна.—Если хочешь,—пойдемъ съ нами, мы тебя доведемъ! Намъ все равно нужно къ театру...

И онѣ втроемъ отправились въ путь.

Всю дорогу Соня болтала, рассказывала, какъ ее экзаменовали, какъ она ѣхала сюда съ двоюроднымъ братомъ по Волгѣ, вспоминала пассажировъ и смѣялась, а Валя прижималась къ своей матери и еле передвигала ноги. Повидимому, у нея былъ жаръ.

— Что съ тобой, Валя? спросила Надежда Сергѣевна свою дочь, когда та неожиданно вдругъ сѣла на скамейку на бульварѣ.—Ты устала?

Валя утвердительно кивнула головой.

Надежда Сергѣевна и Соня тоже посидѣли вмѣстѣ съ нею и затѣмъ

отправились далѣе. Дойдя до дверей гостинницы, они стали прощаться.

— Ты еще долго пробудешь здѣсь? спросила Надежда Сергѣевна Соною.

— Не знаю... отвѣтила та.— Какъ только дядя управится со своими дѣлами, такъ вѣроятно мы и уѣдемъ домой.

— Такъ ты сегодня-же напиши мамѣ, что выдержала экзамены. Это будетъ ей пріятно.

— У меня мамы нѣтъ... Она умерла, когда мнѣ было четыре года.

— Ну, папѣ!

Соня вздохнула и опустила глаза.

— Нѣтъ... отвѣтила она.—Пусть лучше напишетъ ему дядя!

— А развѣ папа съ вами не живетъ?

Соня почему-то покраснѣла.

— Онъ далеко, отвѣтила она,— на Дальнемъ Востокѣ... Онъ уѣхалъ туда по своимъ дѣламъ и я не видѣла его уже около двухъ лѣтъ.

— И тебѣ не скучно безъ него? спросила Надежда Сергѣевна.

Глаза Сони наполнились слезами.

— Скучно, отвѣтила она, а потомъ овладѣла собой и весело воскликнула:—Что-же подѣлаешь? Значитъ, такъ надо!

Надеждѣ Сергѣевнѣ стало ее жаль. Соня показалась ей круглой сиротой, за которой некому было приглядѣть и которая давно уже

не знала, что такое материнская ласка. Она нагнулась къ ней, поцѣловала ее въ обѣ щеки и сказала:

— Если дядя тебя отпустить, то приходи къ намъ! Мы живемъ на Набережной въ домѣ № 148.

Она назвала Сонѣ свою фамилію и еще разъ поцѣловала ее въ лобъ.

— Приходи-же! сказала она.

— Хорошо, отвѣтила Соня и сдѣлала ей реверансъ. — Я попрошусь у дяди и если онъ позволитъ, то я приду.

И онѣ разстались.

Возвратясь домой, Валя ничего не ѣла, съ трудомъ переодѣлась и легла въ постель. Ей было жарко. Щеки у нея пылали. Она чувствовала, какъ горячее дыханіе обжигало ей верхнюю губу, хотѣла бодриться, но слабость овладѣвала всѣми ея членами и голова противъ воли валилась на подушку. Она мыслила, но мысли у нея были какія-то странныя, непривычныя, она хотѣла представить себѣ Соню, но это ей не удалось. Какой-то шумъ назойливо звучалъ у нея въ ухахъ и съ каждымъ часомъ ей становилось все жарче и душнѣе.

„Должно быть, я простудилась“... подумала она.

Къ вечернему чаю она не вышла. Ей хотѣлось спать; она сознавала, что была въ одеждѣ и что нужно было раздѣться, но лѣнь было шевельнуть рукою. Затѣмъ ей стало очень больно глотать. Она чувствовала боль въ горлѣ еще вчера, но

думала, что это пройдетъ, и никому о ней не говорила. Теперь-же горло стало такъ сильно болѣть, что тяжело было дышать.

Поздно вечеромъ ее разбудили, раздѣли, затѣмъ кто-то чужой близко поднесъ ей къ самымъ глазамъ свѣчку и приказалъ ей широко раскрыть ротъ. Она видѣла около своей постели встревоженную маму и крестившуюся няню-Агашу и ей было досадно, что ее беспокоятъ, и не даютъ ей покойно лежать.

— Ну, что, докторъ? услышала она голосъ папы.

— Подождемъ до завтра, отвѣтилъ незнакомый господинъ.—По всей вѣроятности, дифтеритъ!

Всю ночь въ домѣ не спали. Надежда Сергѣевна часто плакала, няня крестилась, а папа въ тревогѣ ходилъ изъ комнаты въ комнату и не зналъ, за что приняться. Болѣзнь Вали развернулась какъ-то сразу, вдругъ, и это его сильно пугало.

— Бѣдная Валя! говорилъ онъ.— Бѣдная дѣвочка!

Утромъ опять пріѣхалъ докторъ и на этотъ разъ уже опредѣленно заявилъ, что у Вали дифтеритъ. Ее немедленно-же нужно было отправить въ больницу, такъ какъ болѣзнь очень опасна, отъ Вали могли заразиться въ домѣ другіе, да къ тому-же въ больницѣ и больше средствъ бороться съ этой опасной болѣзью.

И Валю снова затормошили. Ее обернули въ одѣяло и вмѣстѣ съ докторомъ и няней Агашей отправили въ каретѣ въ больницу.

— Смотри-же, няня, говорила Агашѣ Надежда Сергѣевна,—будь осторожна сама! Находишь неотлучно при Валѣ. Ни подь какимъ видомъ не приходи изъ больницы домой, пока не выздоровѣетъ Валя, а то принесешь заразу съ собой. Я буду васъ часто навѣщать!

И она долго стояла у воротъ и смотрѣла вслѣдъ удалявшейся каретѣ.

Пришелъ затѣмъ изъ аптеки какой-то господинъ и сдѣлалъ дезинфекцію всей квартирѣ. Всѣ стѣны, вся мебель, бѣлье, платья и бумаги были обрызганы имъ какой-то жидкостью и на цѣлый день были оставлены всѣ окна открытыми настежь. Надежда Сергѣевна спѣшно сшила себѣ два халата и стала ѣздить въ нихъ въ больницу и сидѣть въ нихъ около своей дочери, а затѣмъ уже безъ нихъ она возвращалась оттуда домой. Однимъ словомъ, были приняты всѣ мѣры, чтобы только не заразить дифтеритомъ другихъ. Папа продолжалъ ходить на службу, Надежда Сергѣевна то и дѣло отлучалась къ Валѣ, няня жила въ больницѣ и бѣдному Оедѣ было скучно цѣлые дни проводить дома одному. Онъ слонялся по всѣмъ комнатамъ, ученье уже окончилось и нечѣмъ

было, да и не охота была чѣмъ-нибудь заняться. Онъ тосковалъ безъ сестры и, выбѣгая на набережную, останавливался у ея рѣшетки и цѣлые часы проводилъ въ томъ, что глядѣлъ на Волгу, считалъ проходившіе мимо баржи и пароходы и ожидалъ, когда на той сторонѣ покажется дымокъ отъ поѣзда. Онъ ѣлъ и пилъ, когда его звали завтракать или обѣдать, ложился спать въ разное время и все въ домѣ сразу какъ-то выбилось изъ колеи. Возвращаясь со службы, папа тоже тосковалъ, скучалъ по дочери и то и дѣло звонилъ по телефону въ больницу, освѣдомляясь о томъ, какъ она провела истекшій день. И всякій разъ ему оттуда отвѣчали, что Валѣ лучше, что опасный періодъ уже благополучно миновалъ и она находится на пути къ выздоровленію. Возвращавшаяся изъ больницы Надежда Сергѣевна рассказывала ему обо всемъ и они оба начинали молиться. Вмѣстѣ съ ними крестился и Оедя, который, впрочемъ, мало еще отдавалъ себѣ отчета въ томъ, насколько была опасна и серьезна болѣзнь его сестры.

Возвратившись изъ гимназіи домой, Соня почувствовала голодъ. Съ сознаниемъ исполненнаго долга она отложила къ сторонкѣ свои книжки, накрыла на столъ, позволила человѣку и приказала ему подать самоваръ.

— Скоро придутъ Боря, Иванъ Игнатъичъ и дядя, сказала она себѣ. — Надо будетъ напоить ихъ чаемъ. И дѣйствительно, скоро возвратились Боря и Иванъ Игнатъичъ.

— А мы познакомились съ однимъ мальчикомъ, заявилъ Боря, влетая въ номеръ. — Онъ тоже учится въ гимназіи. Мы провожали его домой и къ намъ навстрѣчу вышла его мама. Не вѣришь? Спроси у Ивана Игнатъича! Мальчика зовутъ Ѳедей, а его маму—Надежда Сергѣевна.

Начались разспросы, разговоры, во время которыхъ пріѣхалъ и дядя Григорій Петровичъ. Онъ очень удивился, найдя Соню уже дома, и похвалилъ ее, что она не потерялась и сумѣла дойти до гостинницы одна. Снова начались разспросы и пересказы, какъ кто отвѣчалъ, кого о чемъ спросили на экзаменѣ, какой учитель добрый и какой злой, Боря сталъ представлять одного изъ учителей и всѣ весело смѣялись. Пили чай, ѣли свѣжіе пирожки, которые привезъ съ собою дядя и всѣмъ эта номерная жизнь, съ чаемъ вмѣсто обѣда, казалась новой и интересной.

— Ну, дѣтки, сказалъ затѣмъ дядя, когда уже отпили чай и былъ убранъ самоваръ.—Я долженъ васъ немного огорчить.

— А что такое? спросили Соня и Боря разомъ.

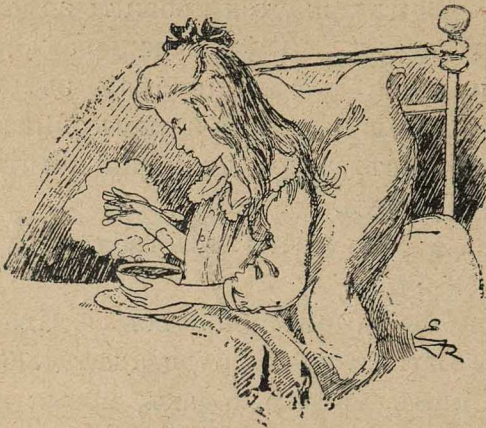
— Вамъ придется прожить здѣсь недѣли три... Такъ складываются мои дѣла, что я пробуду здѣсь еще цѣлую недѣлю, а затѣмъ одинъ, безъ васъ, уѣду дней на десять въ Москву...

— А какъ-же мы безъ тебя? испугался Боря.

— Вы останетесь здѣсь съ Ивановъ Игнатъичемъ, будете кататься съ нимъ на пароходахъ, время и пройдетъ незамѣтно! Къ тому-же и ему, и вамъ нужно запастишь платьемъ на цѣлый годъ, а сразу этого не сдѣлаешь! Надо заказать для Бори мундирчикъ, курточку, длинные штаны и форменное пальто, да и для Сони тоже нужны форменное платье, кофточка, шляпка, то да сѣ... Вѣдь всего этого у насъ въ усадьбѣ не достанешь.

И, отдохнувъ немного, дядя взялъ Борю и Соню и отправился вмѣстѣ съ ними въ магазинъ дѣлать покупки. Накупивши разныхъ матерій чуть не цѣлый возъ, они отправились съ ними къ портному и къ модисткѣ. Съ Бори портной снималъ мѣрку, долженъ былъ шить для него длинные штаны и это занимало новаго гимназиста такъ, что онъ даже дрожалъ.

Когда возвращались домой, то садилось уже солнце и слышно было, какъ играла музыка на бульварѣ и ей вторили гудки пароходовъ съ Волги. Сонѣ очень хотѣлось пойти погулять на бульваръ, но усталость давала ей чувство-

Валя поправлялась.

вать себя и не было еще и девяти часовъ вечера, какъ она и Боря улеглись спать.

Утромъ, взявши съ собой Соню, дядя отправился на Дворянскую улицу посмотрѣть у какой-то своей знакомой Авдотьи Семеновны комнату для Сони, Бори и Ивана Игнатича. Комнату эту сдавали для нихъ со столомъ и ему было пріятно, что всѣ эти три недѣли они будутъ жить въ семьѣ и питаться, какъ слѣдуетъ. Снялъ онъ комнату и для себя.

— Ну, вотъ и отлично! воскликнулъ дядя, когда дѣло было уже слажено и комнаты были наняты.—Сегодня-же мы переѣдемъ изъ гостинницы сюда и заживемъ по домашнему.

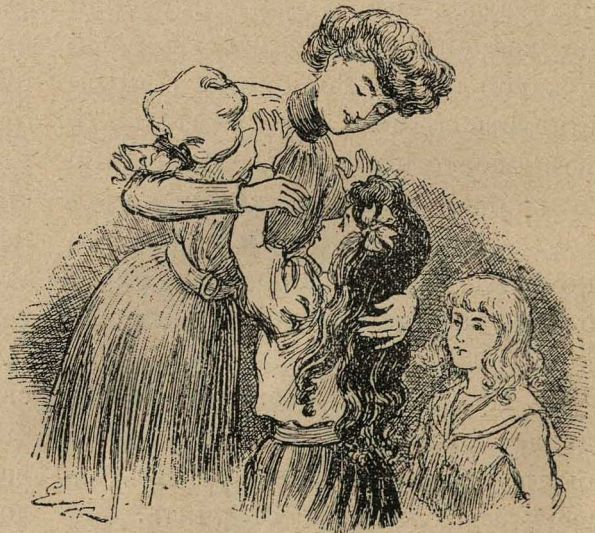
Простившись съ Авдотьей Семеновной, они вышли на улицу и, не спѣша, побрели пѣшкомъ къ себѣ въ гостин-

ницу. Было ясно и тепло, кричали на деревьяхъ грачи и суетились въ кустахъ воробьи. У Сони было празднично на душѣ и она шла и воображала себѣ, какъ она будетъ жить здѣсь по цѣлымъ годамъ и учиться въ гимназіи, какъ будетъ приглашать къ себѣ подругъ и играть съ ними въ куклы. Дядя купитъ ей большую куклу и она будетъ сама ее одѣвать. Къ ней будетъ приходиться въ гости Валя и она сама будетъ ходить къ ней и разговаривать съ ея мамой. Счастливая Валя! У нея есть мама и папа и она живетъ вмѣстѣ съ ними всегда!

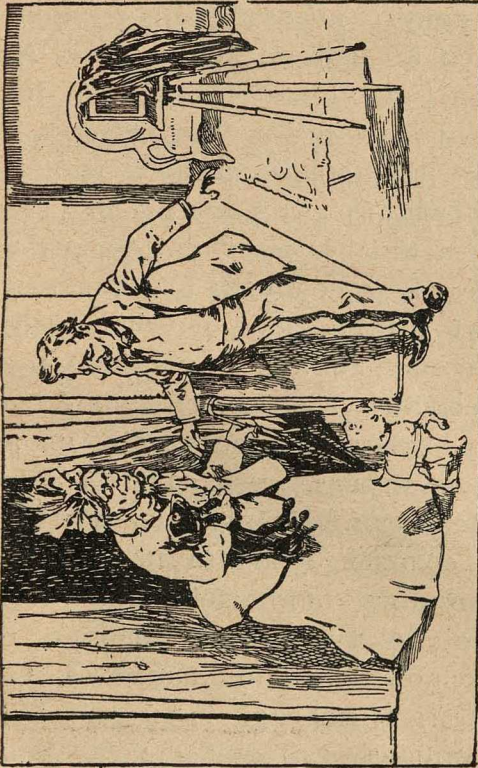
Какъ вдругъ Соня вздрогнула и схватила дядю за руку.

— Дядя, дядя! воскликнула она.— Гляди!

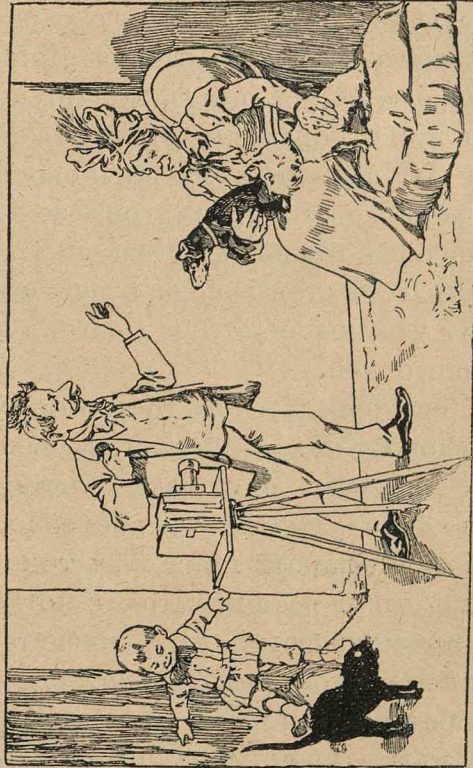
— Куда? На что? удивился дядя.

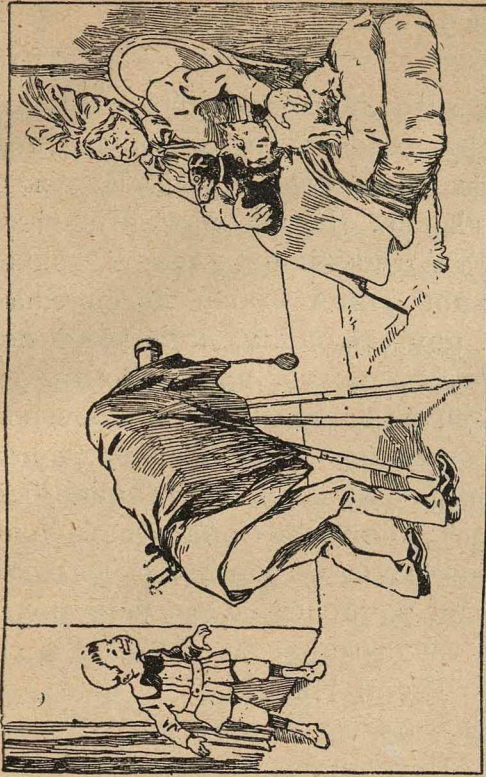
Увидавъ ее, Соня бросилась къ ней и повисла у нея на шеѣ.

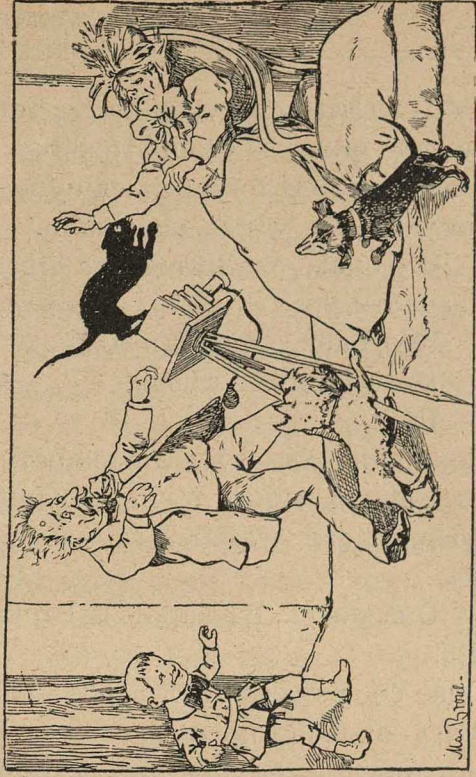
— Будьте любезны снять портреты съ молхъ двухъ собачекъ.
— Сдѣлайте ваше одолженіе...

— Снимаю!.. Не шевелитесь!.. Разъ, два...

— Сидите смирно. Вотъ такъ. Сейчасъ я буду снимать.

М. Рубин.

— Три!!!

Она схватилась рукою за сердце и не въ силахъ была говорить. Волненіе овладѣло всѣмъ ея существомъ. Щеки у нея запылали.

— Это она!.. еле имѣла она силъ произнести.

— Кто она? спросилъ дядя.

— Моя няня!.. Агаша!..

— Гдѣ?

Соня указала ему на карету, проѣхавшую мимо и направлявшуюся вдоль улицы къ больницѣ.

— Она тамъ!.. Въ каретѣ!.. Няня! Няня!

Она со всѣхъ ногъ побѣжала вслѣдъ за каретой, но ее не услышалъ никто и карета не остановилась. Ухватившись рукою за грудь, она оперлась спиною о заборъ и стала тяжело дышать. Дядя подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и пытливо поглядѣлъ ей въ глаза.

— Ты все еще думаешь о своей нянѣ? ласково спросилъ онъ ее.— Успокойся, бѣдняжка! Едва-ли она здѣсь. Тебѣ такъ показалось потому, что ты часто и долго думаешь о ней.

И онъ повелъ ее въ гостиницу. Всю дорогу она молчала и ей было радостно, что она такъ близко, такъ ясно увидѣла въ проѣзжавшей мимо каретѣ няню и въ то-же время было страшно, что это могло ей представляться, какъ представляется многое людямъ, о которыхъ говорятъ, что они сходятъ съ ума.

А въ это время карета уже въѣ-

хала въ больничный дворъ и Валю на рукахъ внесли въ больницу. Приѣхала вслѣдъ затѣмъ и Надежда Сергѣевна. На нее надѣли чей-то халатъ, и начались хлопоты около больной. Няня Агаша, не спавшая всю ночь, бродила, какъ тѣнь, негодовала на то, что дѣвочку не оставили лечиться дома, а отвезли въ больницу и все время, неотступно ее преслѣдовалъ знакомый голосъ, который она услышала, когда ѣхала въ каретѣ сюда и который, точно съ неба, закричалъ ей откуда-то:

— Няня! Няня!

Въ тотъ-же вечеръ дядя Григорій Петровичъ со всею своею семьей переѣхалъ изъ гостиницы на новую квартиру и расположился въ ней по домашнему. Авдотья Семеновна состряпала имъ вкусный ужинъ и угостила ихъ на славу. При домѣ оказался громадный садъ, въ которомъ росло много запущенныхъ кустовъ сирени и даже пѣлъ соловей, и тотчасъ-же послѣ ужина Боря и Соня выбѣжали изъ дома и стали бѣгать по дорожкамъ. Спускался тихій вечеръ, гдѣ-то въ сосѣднемъ дворѣ кто-то игралъ на балалайкѣ и ея тихіе звуки смѣшивались съ пѣньемъ соловья, гудками пароходовъ и шумомъ экипажей, проѣзжавшихъ по ту сторону забора по неровной булыжной мостовой. Соня бѣгала по саду и ей казалось страннымъ, что она попала такъ

далеко, гдѣ спускались съ небесъ бѣлыя задумчивыя ночи и гдѣ соловей не боялся никого и во весь голосъ распѣвалъ прямо въ городъ свои громкія, удивительныя пѣсни.

Прошли десять дней и Григорій Петровичъ уѣхалъ въ Москву. Борѣ принесли форму, онъ не могъ на нее наглядѣться, но чтобы не износить ее за лѣто, ему запрещено было ее до августа надѣвать. У Сони появились новая шляпка и жакетъ. Иванъ Игнатьичъ тоже преобразился; онъ сшилъ себѣ чечечный костюмъ и купилъ соломенную шляпу и въ такомъ видѣ водилъ дѣтей гулять на набережную и на бульваръ.

Однажды они шли по набережной и увидали мальчика, который стоялъ у рѣшотки и задумчиво глядѣлъ на Волгу. Когда они проходили мимо него, онъ снялъ фуражку и раскланялся съ ними. Боря тотчасъ же его узналъ.

— Это Оеда Корниловъ! воскликнулъ онъ и подбѣжалъ къ мальчику.

Оеда тоже обрадовался ему и въ свою очередь подбѣжалъ къ Ивану Игнатьичу и къ Сонѣ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? обратился къ нему Иванъ Игнатьичъ.

— Такъ, ничего... отвѣтилъ Оеда съ печалью въ голосѣ.—Стою и гляжу...

— Пойдемъ съ нами гулять! предложилъ Боря.

— Хорошо! Спроситься мнѣ не у кого, такъ какъ сестра больна, няня не живетъ дома, папа на службѣ, а мама уѣхала въ больницу. Я во всемъ домѣ одинъ и теперь могу идти, куда захочу!..

Мальчики взялись за руки и побѣжали впередъ. За ними слѣдомъ пошли Иванъ Игнатьичъ и Соня. Дойдя до Лицея, они долго сидѣли около него на лавочкѣ и глядѣли на Волгу. Мальчики все время бѣгали и играли около нихъ, пока не захотѣли ѣсть. Тогда всѣ поплелись обратно. Когда проходили мимо дома, гдѣ жили Корниловы, то къ его воротамъ подбѣжалъ извозчикъ и съ него сошла Надежда Сергѣевна. Она была безъ шляпы, такъ какъ хотѣла послѣ больницы провѣтрить свои волосы, и шляпа лежала сбоку ея на сидѣннѣ. Увидѣвъ ее, Соня бросилась къ ней и повисла у нея на шеѣ.

— Здравствуйте. Какъ поживаете? заговорила она.—А мы все еще здѣсь, въ Ярославлѣ! Гдѣ Валя? А это вотъ мой двоюродный братъ Боря!

Но Борю уже не нужно было представлять Надеждѣ Сергѣевнѣ. Онъ былъ съ нею знакомъ уже давно и, глядя на то, какъ Надежда Сергѣевна пожимала руку Ивану Игнатьичу и ласкала Борю, Соня въ удивленіи, широко раскрыла глаза и смотрѣла то на того, то на другого, и никакъ не могла понять, какъ это могло случиться.

— А гдѣ же Валя? спросила она наконецъ.

— Валя у меня больна! вздохнула съ горечью Надежда Сергѣевна.— Лежитъ въ больницѣ. Но теперь, слава Богу, ей лучше и, она поправляется... Сегодня уже сама сидѣла на кровати и пила шоколадъ.

И Сонѣ стала понятна теперь фраза Оеди, почему онъ остался во всемъ домѣ одинъ и почему могъ идти, куда только хотѣлъ.

Надежда Сергѣевна была очень утомлена и потому не пригласила своихъ новыхъ знакомыхъ къ себѣ. Она поговорила съ ними, спросила ихъ, гдѣ они остановились и общала привезти къ нимъ Оеду на цѣлый день.

— Онъ у меня, бѣдный, скучаетъ! сказала она.— Все время привыкъ бѣгать съ сестрой, а теперь безъ нея все одинъ, да одинъ!

Она простилась съ ними и Соня, Боря и Иванъ Игнатьичъ отправились къ себѣ домой.

На слѣдующій день они поѣхали утромъ на пристань, сѣли на пароходъ и поплыли на немъ въ Нижній-Новгородъ. Уѣзжая, Григорій Петровичъ поручилъ Ивану Игнатьичу прокатить дѣтей какъ можно дальше, чтобы для нихъ поскорѣе прошло время, и Иванъ Игнатьичъ рѣшилъ немедленно-же осуществить порученіе своего хозяина. И вотъ передъ изумленными глазами Сони снова

потянулись очаровательные берега Волги, села, церкви, деревни, города. Все время она сидѣла на балконѣ и не могла наглядѣться на открывавшіеся передъ нею виды, а когда спускался вечеръ и наступала затѣмъ бѣлая ночь, она прислушивалась, какъ съ береговъ доносилось до нея пѣніе соловьевъ, или глядѣла, какъ чистый-чистый серпъ молодой луны отражался въ спокойной, какъ зеркало, водѣ. Вотъ Кострома, вотъ Кинешма, вотъ Юрьевецъ, Пучежъ, а вотъ и Нижній-Новгородъ. Они сходятъ на берегъ, поднимаются по элеватору въ городъ и ходятъ по его улицамъ съ такимъ интересомъ, точно приѣхали въ другое государство.

Поздно вечеромъ, усталые и разморенные, но полные очарованія отъ поѣздки, Соня и Боря спускаются къ Волгѣ, садятся на пароходъ и отправляются обратно въ Ярославль. Цѣлые сутки плывутъ они вверхъ по рѣкѣ и опять передъ ними, точно въ кинематографѣ, тянутся милые, простые, спокойные по своей красотѣ, волжскіе берега. Соня опять съ утра и до вечера сидитъ на балконѣ парохода, глядитъ на то, что уже видѣла на пути въ Нижній-Новгородъ, и все ей кажется еще болѣе интереснымъ, чѣмъ тогда, и болѣе красивымъ и ласковымъ, чѣмъ въ прошлый разъ. Каждый камень, каждая церковь и каждый выступъ

на берегу говорятъ ей объ историческихъ событіяхъ, когда-то происходившихъ на этой великой рѣкѣ, и эта Волга, по которой она теперь плыветъ, развертываетъ передъ нею страницу за страницей изъ русской жизни, которой она раньше, въ Крыму, не знала вовсе и о которой ей не рассказывалъ никто. И уже не въ первый разъ Соня задала себѣ вопросъ:

— Гдѣ она? Неужели на чужбинѣ?

И внутренній голосъ настойчиво говорилъ ей, что именно здѣсь, на Волгѣ, она у себя дома, на своей родинѣ, и что именно здѣсь должна протекать вся ея дальнѣйшая жизнь.

Въ девять часовъ вечера прибыли въ Ярославль. Когда они возвратились къ себѣ на квартиру, то Авдотья Семеновна сказала имъ, что въ ихъ отсутствіе приѣзжала къ нимъ въ гости какая-то дама съ мальчикомъ, а затѣмъ прибѣгалъ и самый мальчикъ. Мальчикъ этотъ спрашивалъ Борю и очень опечалился, когда узналъ, что онъ еще не возвращался.

— Это навѣрное Оедя Корниловъ! рѣшилъ Боря.—Надо побывать у него и пригласить его къ себѣ!

Но Авдотья Семеновна вспомнила о чемъ-то и сказала:

— Чуть было не позабыла... Барыня эта велѣла вамъ передать, чтобы вы не приходили къ ней еще цѣлую недѣлю. У нея вернулась изъ больницы дочь, такъ еще

срокъ не вышелъ, когда можно пускаться къ ней дѣтей. И этого мальчика, ея братишку, тоже не пускаютъ къ ней. Боятся, чтобы онъ не заразился отъ нея... Барынѣ очень хотѣлось, чтобы онъ проводилъ время у васъ, а то ему одному скучно! А вы вотъ, какъ на грѣхъ, и уѣхали изъ города.

И Авдотья Семеновна угостила путешественниковъ вкуснымъ, сытнымъ ужиномъ, котораго они не ѣли уже нѣсколько дней.

Дома Соню ожидали два письма: одно отъ слѣпой Ольги Ивановны, которая освѣдомлялась о ней, объ ея экзаменахъ и о томъ, какъ она проводитъ свое время, а другое—отъ Прасковьи. Последнее было написано кѣмъ-то подъ диктовку и содержало въ себѣ только слѣдующія строки:

„Ангель-ты мой архангельскій, напиши ты своими безцѣнными пальчиками мнѣ хоть одно словечко. А я буду его читать и плакать отъ радости горячими слезами. И уродитъ-же Господь такое дитѣ, какъ ты!“.

Соня прочитала, расхохоталась, но ей было пріятно, что о ней вспомнили и написали ей эти письма.

Она положила ихъ къ себѣ подъ подушку, раздѣлась, легла въ постель и еще долго не могла уснуть, думая объ Ольгѣ Ивановнѣ и Прасковьѣ и о томъ, что ей пришлось увидѣть и пережить.

—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задумано слово, состоящее изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.

Буквы 1. 6. 8. 9. 10 означаютъ повышеніе голоса, 3. 4. 5. 6. 8. 7. 5—то, что мы изучаемъ по учебникамъ исторіи, 2. 3. 4. 5.—принадлежность лица, 4. 5. 4. 5. 6. 8. 7. 10—человѣка монгольскаго племени, 9. 5. 6. 4. 8. 7. 5—то, что украшаетъ стѣны.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ мелкую заросль въ садахъ и въ лѣсу.

II.

Задуманы два слова: первое—напитокъ, а второе—часть тѣла. Если послѣдній слогъ второго слова прибавить къ первому слову, то получится водяная птица.

Какія слова задуманы и какая это птица?

(Предложила Зоя Шѣтухова).

III.

Задуманы пять словъ, означающихъ:

- 1) Домашнее животное.
- 2) Хищную птицу.
- 3) То, что вы иногда разгадываете.
- 4) Кислую ягоду, растущую на болотахъ.
- 5) Хищную морскую рыбу.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по первой буквѣ и составить изъ этихъ буквъ новое слово, составляющее названіе домашняго хищнаго животнаго.

Какія слова задуманы и какое это животное?

(Предложилъ Сережа Тушканчикъ.).

IV.

Задумано слово, состоящее изъ одиннадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11.

Буквы 1. 2. 10. 7 означаютъ большую деревню, 8. 9. 10. 2—то, что эту деревню окружаетъ, 3. 4. 6. 4—то, что грѣетъ, 5. 9. 3. 4—хищную птицу, 1. 7. 10. 11—предметъ, необходимый въ кухнѣ.

Вторая половина задуманнаго слова составляетъ собою названіе дерева, а середина—нѣсколько десятковъ.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе русскаго южнаго города.

V.

Я молчу до тѣхъ пока, меня не ударятъ. А если меня потянуть за языкъ, то я громко пою.

Что я такое?

VI.

Если къ послѣднему слогу той части тѣла, которая взяла стаканъ, приставить спереди то, что иногда находится въ стаканѣ, то получится названіе птицы.

Какая это птица?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 3 «Золотого Дѣтства».

I. Лу-на, но-га; городъ Луга;

II. Рука, циркъ, кирка. Задуманное слово—Курица.

III. Се-ло; ребро; металл-серебро.

IV. Жиръ, вино, книжникъ, ножъ, рынокъ, коврикъ, крикъ, рыжикъ, нырокъ, задуманное слово—крыжовникъ.

V. Па-харь; Осташ-ковъ; задуманное слово—Харьковъ.

VI. КорытО, Парты, ТѣстО; задуманное слово—копыто.

VII. У свиньи—пяточокъ.

VIII. Буква Т и еще двѣ буквы КЪ (тикъ).

IX. Барба+рисъ (барбарисъ)

X. Со-бака; коло-коль. Задуманное слово—Соколя.

XI. Лягушка на лугу, увидѣвши вола, затѣяла въ дородствѣ съ нимъ равняться.

XII. Никто. Когда съѣшь первый крендель, то второй ѣшь уже не натошакъ.

XIII. До+рога (дорога).

Ребус № 2. Д+оса+дно+ч+т+оса+ма+ядь+о+рогъ+а+я одежда ча+сто не изба+вляеть чело+вѣка отъ г+лупа+го по+ступка = Досадно, что самая дорогая одежда часто не избавляетъ человѣка отъ глупаго поступка.

Рѣшеніе головоломки и ребуса, помѣщеннаго въ № 4 «Золотого Дѣтства».

I. Бутылка и булка.

II. Искра и игра.

III. Воробей, Орель, Ласточка, Голубь, Аистъ; задуманное слово—Волга.

IV. Колесо, Ребро, Вакса; задуманное слово—корова.

V. Два барабана.

VI. Спѣшите.

VII. По землѣ.

IX. Кошка, Арбузь, Лиса, Ухо, Гусь, Африка; задуманное слово—Калуга.

Ребус № 3. Полъ+нота+ча+сто+у+томъ+ля+еть+чело+вѣка = Полнота часто утомляетъ человѣка.

Вѣрные рѣшенія прислали: Люся Калугина изъ Вытегры, Миша Алексѣевъ, Соня Любичъ, Женя Стрекоза, Роза Рухлевичъ со ст. Комаровцы, Сережа Тушканчикъ, Володя и Вася Смирновы изъ Варшавы, Митя Кошкинъ, Вова Блюмъ изъ Велижа, Котя Синицынъ, Андрюша Федотовъ-донской казачокъ изъ Щучина, Кити Рыбацкая, Надя Тонъ, А. Г. Ф. изъ Лонца, Шушу Георгіевская, Нелли Маркова, Ницуха Пыхтѣва изъ Мензелинскаго уѣзда, Коля Писаревъ изъ Москвы, Шура Обморшева изъ Колова, Лили Сахарова, маленькая мисъ, Оля Попель изъ Кіева, Гр., Р., Анютины глазки, Зоя Пѣтухова изъ Ивангорода, Лили Подсѣж-никъ изъ Тифлиса, Аля Волдырева изъ Грайворо-на, Катя Плотникова изъ Ветопкина. Муся Виноградова, Юрикъ Китаевъ, Володя, Шура и Липа Шумахеръ изъ Ростова-на-Дону, „Золотая-дѣтка“ изъ Москвы, Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Гимназистка Настя Золотарева изъ Новогеоргіевска, Витя Семеновъ въ СПБ., Оля Петрова въ СПБ., Витя Быстрицкій изъ Царицына. Антоень Печковскій, Шура Кремлева Борисъ Корчагинъ изъ Кашина. Лида Эвертъ, Валя Фигурская изъ Теплика, Соня Шеран-шеръ въ СПБ., Оля и Мина Захаревы въ СПБ., Кока Нарбутъ, Леля и Женя Вихревы изъ Тиф-лиса, Кира Квашневская, Вена Гудковъ, Вла-диміръ Евгений и Георгій Конрадъ, Боря фонъ-Бранденбургъ изъ Пскова, Юрочка Владыкинъ изъ Выборга, Витольдъ Румшевичъ, Аня Анту-шева изъ Павловскаго посада, Варечка Каза-ринова изъ Царскаго Села, Вѣра и Коля Вѣ-лявскіе, Тамара и Костя Шидловскіе изъ Харь-кова, Костя Сикорскій изъ Устиновки, Херсон. губ., Роза Рухлевичъ изъ Волковинцевъ, Коля Крыловъ изъ Николаева, Теси и Эдя Дегер-гольмъ въ СПБ. Коля и Ваня Шестаковы изъ Ростова-на-Дону, Елена и Зоя Поповченко, Лена Серебренникова изъ Ташкента, Викторъ Риффесталь изъ Вологды, Лена и Муся Крюгеръ въ СПБ., Лиза Богдановичъ, Сима Кудинова, Сережа Домрачевъ.

РЕБУСЪ № 4.

(Фамиліи подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія ребуса и головоломокъ или даже хотя-бы одной изъ нихъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. Отдѣльно крышки для переплета—по 45 копѣекъ (съ пересылкою по 65 коп.).

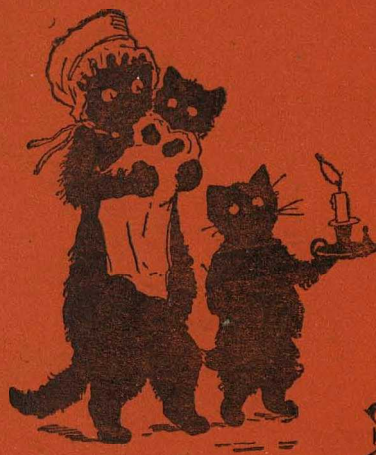
МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель *М. П. Чеховъ.*

